

* * *

Две тысячи страшный год —
прикован к кровати дед.
Я слушаю радио «Спорт»,
мне где-то двенадцать лет.
«Я буду играть, как Кака¹»
(Кака в эти годы жег) —
решаю твердо, пока
деду даю горшок.
Слезятся его глаза,
устану в слепую высь,
он хочет мне что-то сказать,
но я говорю: «Заткнись,
дед, у меня футбол,
понимаешь — Кака с мячом,
понимаешь — он всех обвел,
а с тобой говорить о чем?
Как трясется твоя нога,
как гноится твоя спина,
понимаешь — с мячом Кака,
понимаешь — в окне весна».

2022

¹ Полное имя – Рика́рду Изéксон дус Са́нтус Лéйти, бразильский футболист, полузащитник.

Вот открылись двери настужь. Я вошел.
За столом сидела Настя. Хорошо.
За роялем было пусто. Шла зима.
Чуть дыша, качалась люстра. Ты сама
виновата, Настя, в том, что выпал снег,
что тебе сегодня тошно. Человек,
он был явно не огонь, но, наконец,
он какой, да никакой, но был отец.
Оттого ты плачешь, верно — перестань —
что в утробе у тебя гуляла сталь
или, может быть, пилюли, порошок,
только разве что не пули. Снег пошел.
Серый спирт, анестезия, русский врач.
Перестань, Анастасия, ну, не плачь!
Да тебе спасибо молвил твой малыш!
Ну и что, что уже больше не родишь?
Я вот тоже, представляешь, не рожу.
Я ни с кем уже полгода не лежу.
Я вообще не самый лучший ухажер,
только ссать умею в уши. Снег пошел.
Приключилась, понимаешь ли, напасть.
От меня-то ты чего хотела, Насть?
У меня своих нерожденных мешок,
только я не убивал их. Снег пошел.
Остальные же обходятся без чад.
За спиной твоей сейчас стоят, молчат,
возникают раз за разом вдалеке
мальчик с девочкой с железкою в руке.
За тобой покорно ходят по пятам,
говорят беззвучным хором: «Здравствуй, мам!»
И рояль играет «Рондо» сам собой —
то ли Моцарт, то ли кто-то, — Настя, пой!
Я тебя убила, зайчик — ля минор!
Почему глазенки прячешь — и игнор?
Я тебя освободила — ми мажор!
Ни клеенки, ни могилы. Снег пошел.
«Мам, мне снится, будто я — воздушный шар.
Мам, я Бога обманул и убежал.
Только он меня осалил — я вожу.
Между небом и отчизною скольжу...»

Природы тихий край, простор среди излучин,
влачится по воде отяжелевший лед,
и раздаётся всплеск в декабрьском беззвучии,
и каждый шаг зимы здесь ясен наперед.
Но мне пора идти, влачиться за тобою,
пока не прозвучит весенний этот хруст,
там женщина стоит по пояс в зверобое,
болезненно стройна, как отшумевший куст.
Но мне пора идти, пока природа медлит,
пока не прозвенит забытый этот сад,
как вдруг она сама, смеясь, раздвинет ветви,
представ среди цветов, событий и мансард.
Но что там вспоминать, как в церковь шли по полю,
и дети, то есть мы, бежали впереди,
она бывала там, почти была собою,
почти носила птиц за шалью у груди.
Но как не надоест тревожить эти раны,
в церковные врата входить наискосок —
живет она среди других меридианов,
сомненья погрузив в таинственный песок.
Ах, выпустите нас, снимите эти ставни,
там солнышко стоит и правит лошадьми,
и страшно мне — а вдруг и мы никем не станем,
а вдруг совсем, как вы — такими станем мы?
Но это далеко — а здесь одни сугробы,
сугробы и слова, полураздетый лес,
есть кладбище одно на краешке Европы,
там снег самой зиме летит наперерез.
И где-то там, как раз, где рушатся деревья,
всплывает силуэт в мундире и в снегу —
он пережил войну, был молод, но теперь я
смотреть ему в глаза, как равному могу,
хоть между нами снег, сурово, безголово
снует поверх земли, планируя к реке,
где мартовский цветок прорежется, как слово,
как самый первый вздох на русском языке.